

Путеводная звезда первой русской кругосветки

4 февраля корабли, наконец, покинули Бразилию и двинулись в сторону мыса Горн. На случай разлучения кораблей в «ревуших сороковых», Иван Федорович предусмотрел места встречи у острова Нуку-Хива, а если это окажется затруднительным, то у города Консепсьон в Чили. Как и у большинства мореплавателей, собиравшихся пересечь Тихий океан, предвиденной сложностью была нехватка пресной воды. Уже в начале февраля Крузенштерн ввел ограничения, по две кружки на человека.

В конце марта, в шторм, шлюпы разлучились, потеряв друг друга из вида. «Нева» пошла к острову Пасхи, а изрядно потрепанная штормом «Надежда» к группе Маркизовых островов. Кроме текущего ремонта, перед экипажем стояла задача пополнения продовольствия и пресной воды. Крузенштерн писал, что специально для обмена с туземцами еще в Кронштадте на корабли были погружены железные обода для бочек. Местные жители мастерили из них необходимые инструменты, а экспедиция получала необходимый провиант. Нужно отметить, что русские путешественники не предлагали туземцам ненужные блестяшки, но везли с собой по-настоящему полезные для аборигенов вещи и заготовки. Крузенштерн опасался за своих подчиненных и запретил сход на берег поодиночке: здесь нередки были случаи каннибализма.

Несмотря на вольные нравы, члены команды шлюпа были разочарованы внешностью полинезийцев. Офицеры да и ученые писали, что женщины здесь дурны и не жалели нечестных эпитетов. А вот Иван Федорович высказывался в своем привычном, очень оптимистичном ключе: «Каноны красоты у европейцев и жителей Маркизов совершенно различны, мерить всех нашей мерою нельзя».

Тяжелейшие условия плавания, непривычный и очень тяжелый для русских людей климат, сделали свое дело. Первым не выдержали нервы у художника экспедиции, академика Академии Художеств Степана Семеновича Курляндцева. Топором он разнес всю свою каюту, от спального места до икон. С новой силой разгорелась ссора между Резановым и Крузенштерном.

Хорошо разбираясь в особенностях торговли с первобытными народами, Иван Федорович строжайше запретил менять на что-либо готовые орудия — ножи, топоры. Он пользовался не только собственным опытом. Например, Ванкувер вообще почти ничего не смог закупить на Таити. Приказ этот Крузенштерн зачитал лично и подробно объяснил, почему поступает именно так. А буквально через день Резанов приказал купцу Шемелину закупить как можно больше редкостей для Кунсткамеры в обмен на те самые ножи и топоры! В результате основная валюта, железные обручи, резко обесценились, ведь за большую раковину и старый череп туземцы получили целых три топо-

рика и несколько складных ножей. Свиной и другой необходимый провиант за те самые обручи теперь никто продавать мореплавателям не хотел. Резанов приказал Шемелину сдать все оставшиеся топоры и ножи. Резанов назвал обвинения Крузенштерна мальчишеством и начал кривляться (об этом прямо сказано в воспоминаниях Ратманова), в ответ на что Иван Федорович предложил самостоятельно произвести закупки продовольствия. Николай Петрович отвечал, что сие — не его компетенция, в его задачу входит сбор предметов для Кунсткамеры. Более того, посол сделал выговор Крузенштерну, на что тот ответил, что не подчиняется Резанову, и потребовал предъявить письменные полномочия. Показательно, что градус спора накалился столь высоко, что в запале Николай Петрович даже не сумел вспомнить фамилию автора инструкции и покровителя экспедиции, графа Румянцева.

Здесь нужно сделать еще одно небольшое отступление. Несомненно, Николай Петрович Резанов не был антигероем этого путешествия и антагонистом Крузенштерна. К моменту путешествия он уже успел побывать в Сибири, добравшись до Иркутска, и в Русской Америке. Он был одним из учредителей Русско-Американской компании, соавтором проекта кругосветного путешествия. После смерти жены он просил Александра I об отставке, но вместо этого был назначен послом в Японию, ему предписывалось установить дипломатические отношения с этой страной. Причина же конфликтов с Крузенштерном крылась, прежде всего, в двусмысленности подчинения командования экспедиции. Государь император не дал предельно четкого распоряжения о командовании всей экспедицией. На руках у посла имелся только Высочайший рескрипт, в котором ни слова не было сказано о порядке подчинения. Сказывалось и разное понимание служения интересам Отечества, понятия о чести. Кроме того, Резанов был на 6 лет старше Крузенштерна и имел титул ка-

мергера, что соответствовало званию контр-адмирала.

После неудачи с закупкой продовольствия Иван Федорович принял решение идти на Гавайи. Он опасался цинги. Отношения с Резановым обострились до такой степени, что по приказу Крузенштерна в каюте была установлена перегородка, а Николай Петрович и вовсе старался не выходить из нее, общаясь с капитаном исключительно через записки. Во время этого перехода скончался повар Резанова, Иоганн Нейман, которого посол буквально заставил отправиться с ним в экспедицию. Зная о его чухотке, Иван Федорович сразу не хотел брать его, а в Бразилии настойчиво предлагал Нейману остаться, выплатив жалование за полтора года. Климат Санта-Катарины был весьма благоприятен для него. Но тот продолжил путь за послом.

В два пополудни 8-го мая корабли экспедиции подошли к Гавайям. По мере облегчения корабля, сгнившая конопатка между досок рассыпалась в воздухе и открывала течи. Теперь приходилось откачивать воду по два-три раза в сутки, а щели между досок конопатить подручными средствами. Внешность встреченных туземцев произвела на Крузенштерна гнетущее впечатление — они выглядели, будто все как один болели венерическими заболеваниями. Иван Федорович настаивал на скорейшем отплытии, благо припасы на «Надежде» позволяли совершить переход до русского Дальнего Востока. Решили, что «Нева» задержится еще на несколько дней для пополнения припасов и, посетив еще два острова гавайского архипелага, отбыла напрямую в русскую Америку, на Алеутские острова.

Дабы описать неисследованную акваторию как можно больше, найти новые острова, Крузенштерн проложил маршрут шлюпа до Камчатки не менее, чем в сотне миль от трассы третьего похода Джеймса Кука. Переход прошел без приключений и занял чуть больше месяца. Прибывший экипаж получал все самое лучшее, от квартир до свежесдобитого хлеба и свеже-

Камчатка

выловленной рыбы. Команда быстро восстанавливалась, единственный заболевший цингой матрос поправился всего за неделю. Шлюп разгрузили и приступили к ремонту. Так что отдых для экипажа был весьма относительный.

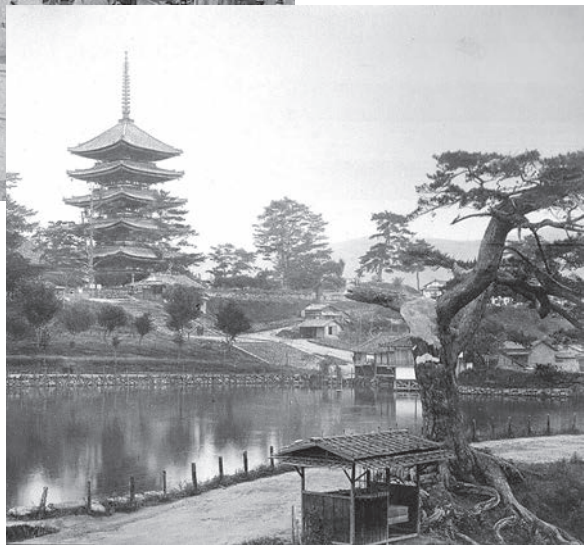
Николай Петрович, едва ступив на твердую землю, отправил губернатору письмо, где он писал о том, что «на моем корабле взбунтовались офицеры». А через две недели, 30 июня, Резанов буквально набросился на Крузенштерна с криками: «Я вас всех засажу, закую всех офицеров!» Из-за тяжести обвинений, губернатору пришлось дать официальный ход делу и назначить официальное разбирательство. После изложения своей версии событий, Иван Федорович сдал шпагу и потребовал своей отправки в Санкт-Петербург. Лейтенант Ермолай Иванович Леверштерн, присутствовавший на разбирательстве, объявил, что в случае отстранения Крузенштерна не останется на шлюпе. Резанов растерялся: при подобном исходе его миссия точно была бы полностью провалена. Генерал-губернатор Камчатки Павел Иванович Кошелев изо всех сил старался помирить стороны, и в какой-то момент, по словам Ратманова (первого помощника Крузенштерна) «посол опомнился и стал искать согласия». Интересно и описание дальнейших событий: в дневниках Резанова сказано, что Крузенштерн принес ему свои извинения, но в за-

писках и дневниках Крузенштерна, Ратманова и Леверштерна сказано прямо противоположное. Единственный из офицеров, не принявший сторону Крузенштерна, был второй лейтенант «Надежды», Петр Васильевич Головачев. Мотивы этого поступка остаются совершенно непонятными.

Перед отбытием в Японию на берег были списаны те, кто не нашел общего языка с экипажем и посольством, оказавшись изгоями. Среди них оказались и художник Курляндцев, и Толстой. Один из списанных, ботаник Бринкин, добравшись до Петербурга, покончил с собой.

В путь к японским берегам выступили 30 августа. В течение двух недель шлюп шел то в области сильной кач-

ки, то и вовсе попадая в шторм. Пришлось зарезать четырех быков, которых до полусмерти укачало, и они отказывались есть. Значительно увеличились течи в корпусе. Первой японской землей, которую достигла «Надежда», было княжество Сацума, произошло это 3 октября.

Можно смело утверждать, что польская миссия в Японию полностью провалилась. Связано это было и с необдуманными и неловкими действиями Резанова, с закрытостью и нежеланием японцев идти навстречу русским. Да и не были для обеих сторон взаимные отношения особенно важными. Япония была сосредоточена вовнутрь, на саму себя, а мы, как обычно, полностью завязли в европейских делах. Соответственно и подготовились к «высоким переговорам»: из полусотни ящиков с подарками японцам понравились только две безделушки: часы-слон, шевелящий ушами и хоботом, и фонари-калейдоскопы работы Кулибина. Даже меха, что привезли на острова, были лисьими, а они никогда не ценились в Японии. Резанову же понравились резные японские шкатулки, и он востребовал аж полтысячи штук для себя! Единственным, наверное, полезным делом занимались ученые, одних только рыб было описано 400 экземпляров.

Вот что писал об этом Антон Павлович Чехов, интересовавшийся подробностями миссии во время своего путешествия на Сахалин: «Вел он себя крайне бестактно... ..Резанову на аудиенции было отказано даже в стуле, не позволили ему иметь при себе шпагу и «в рассуждении нетерпимости» он был даже без обуви. И это — посол, русский вельможа! Кажется, трудно меньше проявить достоинства».

Итак, торговли, как и всего остального, не получилось. Японцы не взяли денег ни за материалы для ремонта корабля, ни за пополнение запасов, коих было очень немало: 5,5 тонн риса, 23 тонны соли и 25 ящиков шелковой ваты. Резанов объявил все это собственностью РАК, но офицеры были против, и ему пришлось разделить припасы. Свои доли офицеры раздали матросам, а еще 1200 килограммов риса раздали беднякам на Камчатке.

Возвращались на Камчатку, вопреки требованиям японцев, через Японское море. Этот маршрут Иван Федорович избрал для изучения почти неизведанной для европейцев акватории. В ходе плавания было установлено, что Карафуто на русских и французских картах — это остров Сахалин. Вообще, в ходе плавания было выявлено множество ошибок и неточностей на картах Лаперуза. 14 мая «Надежда» зашла в залив Анива. Удалось установить теплые отношения с местными жителями, айнами. Крузенштерн писал: «крайне желательно было бы устроить здесь русскую факторию». Ко времени возвращения на Камчатку, из Санкт-Петербурга был получен милостивый рескрипт Александра I. Иван Федорович был удостоен ордена Святой Анны 2 степени, а камергер Резанов — золотой табакерки с бриллиантами. Ему пришло повеление оставить кругосветную экспедицию и отправляться в русскую Америку. На этом Крузенштерн и Резанов растались навсегда.

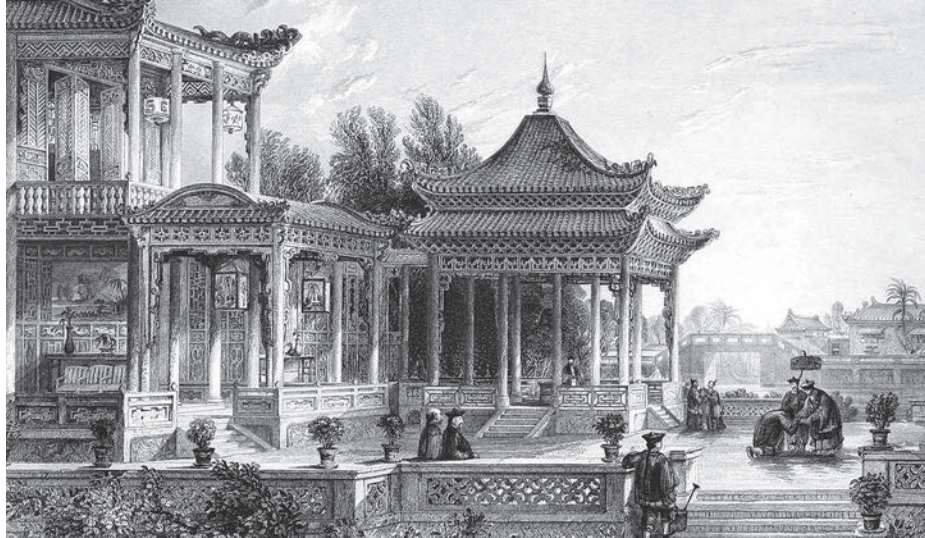
Выход для исследования Сахалина задержался более чем на неделю и состоялся 1-го июля. Главным результатом похода стало исследование пролива между Сахалином и материком. По косвенным признакам — уости пролива, заметному опреснению воды (Иван Федорович сделал заключение, что где-то неподалеку находится устье Амура) а главное, по уменьшению глубин, Крузенштерн сделал несколько опрометчивый вывод, что Сахалин является полуостровом. Встреченные на берегу местные жители, гилияки, оказались враждебный прием, а шлюп постоянно попадал то в туман, то в шторм, и путешествие сильно затянулось. Вот что писал об этом сам Крузенштерн: «Во все сие время редко случались дни, в которые бы не мочил нас дождь или не пронизала бы платья нашего туманная влага; сверх того, не имели мы никакой свежей провизии, выключая рыбы залива Надежды, и никаких противощинготных средств; но, невзирая на все то, не было у нас на кора-

бле ни одного больного». Следующая экспедиция исследовала Татарский пролив только через 43 года.

Сильно потрепанная «Надежда» вернулась в Петропавловск только 30-го августа. На шлюпе нужно было полностью заменить такелаж, взять на борт припасы и меха для продажи в Китае. Их прислал из Америки Лисянский. Однако ждать провиант и такелаж пришлось целый месяц. Продукты оказались ужасными, взять смогли только солонину, но и она испортилась через полтора месяца. Выйти к Китаю из Авачинской бухты смогли только 9 октября.

До Макао «Надежда» шла полтора месяца, вечером 20 ноября она бросила якорь на рейде. Директор фактории Ост-Индской компании в Кантоне был хорошим знакомцем Крузенштерна по годам службы в Королевском Флоте. Личный дом директора был предоставлен Ивану Федоровичу и его офицерам. В начале декабря шлюп перешел в Хуанпу, и, преодолев множество сложностей ритуального характера, в конце концов был допущен в порт Кантона. Если бы не помощь англичан, то наши корабли вполне могли застрять там на сезон тайфунов. Сумма комиссионных в пять процентов вместо общепринятых двух ошеломила приказчика РАК, того, что спал в начале экспедиции в грузовом ящике. Но, скрепя сердце, он платил и их, и «благодарственную» управляющему морской таможней.

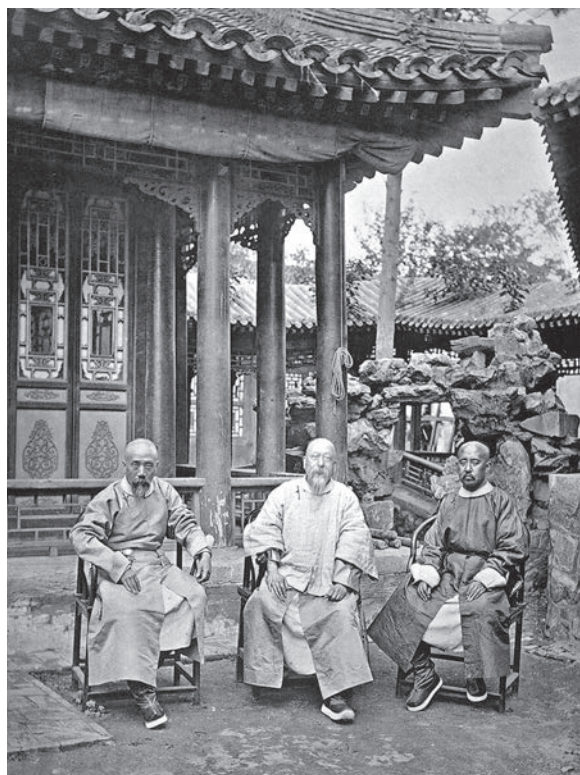
Торговля шла неважно. Много мехов оказалось нераспроданными — за них можно было выручить вдвое, а то и втрое лучшую сумму, чем здесь. На вырученные средства купили чай, шелковые ткани, фарфор и жемчуг, расплатились по счетам, взяли провиант. Иван Федорович не особенно вникал в этот процесс, полагая его второстепенным. А вот его однокашник, Юрий Федорович, даже попытался предъявить право на капитанскую долю, ведь это он привез пушнину из Америки. Чуть было не вышло ссоры, но все в конечном итоге разрешилось мирно. Выход из Кантона

тоже сопровождался разными сложностями — сначала корабли не хотели выпускать, потому что они нарушили много правил. Потом напротив, выпихивали в море ускоренными темпами. Уже после отплытия наших кораблей пришел приказ императора Китая их не выпускать, но было поздно, корабли уже ушли.

Сначала шлюпы шли через Южно-Китайское море, затем, через Зондский пролив в Индийский океан. И все это в сезон тайфунов. «Надежда» и «Нева» разлучились «по мрачности погоды», как писал Лисянский, 15 апреля 1806-го года. «Надежда» 3-го мая посетила остров Святой Елены. А на следующий день произошла страшная трагедия. Прямо на вахте застрелился лейтенант Петр Васильевич Головачев, тот самый, что поддержал несколькими месяцами ранее Резанова. Что именно послужило причиной столь печального поступка, нам остается только гадать. Запечатанное письмо императору, переданное Александру I Крузенштерном, тот приказал сжечь, а расследования не проводить. Офицера похоронили на острове, а службу отслужил англиканский священник, утешавший Крузенштерна словами, что «нельзя считать самоубийцей человека в меланхолии».

Затем был долгий переход до Европы в обход Шотландии — началась война с Францией и нужно было вести себя осторожно. Шлюп Лисянского, пришедший неделей ранее, даже охраняла

Китайские министры

английская эскадра. Первой остановкой в Европе стал маленький островок Фэр. Здесь закупили продукты и пошли дальше, в Копенгаген. Окончилось же путешествие в Кронштадте, 19 августа 1806 года. Оно продлилось 3 года 12 дней для «Надежды» и 3 года без двух дней для «Невы».

После прибытия Иван Федорович был приглашен в Каменноостровский дворец, ему пожаловали бриллиантовую табакерку, также он был удостоен орденом Святого Владимира, его избрали почетным членом Академии наук.

Надо сказать, что всех участников экспедиции наградили очень достойно. Офицеры получили чины и пенсии, ученые — пенсии в тысячу рублей, матросы — отставку с пенсией в 50 рублей в год.

После кругосветного плавания Иван Федорович приводил в порядок свои путевые заметки и наверстывал семейную жизнь. Записки «Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5, и 1806 годах» в виде атласа издавались последовательно с 1809 по 1813 годы. Они были полны географических карт, описаний мест и людей, встреченных экспедицией. Особый интерес у публики вызывали описания дикарей. Книга сразу же вышла на русском и немецком языках, и ее тут же перевели еще на семь языков.

Тогда же в семье Крузенштернов родились сыновья Александр, Павел и Платон. А в 1811-м Ивана Федоровича определили инспектором классов морского кадетского корпуса. Пока что он присматривался к тому месту, с которым планировал связать всю жизнь. И все же, перед тем, как окончательно посвятить себя административной и педагогической деятельности, Крузенштерн, опираясь на собственный опыт двух кругосветок, разработал детальную, подробнейшую инструкцию для кругосветки Отто Евстафьевича Коцебу. Того самого, что пятнадцатилетним мальчишкой отплыл одиннадцать лет назад вместе с Крузенштерном на «Надежде». После написания инструкции Иван Федорович лично отправился в Англию, чтобы заказать все необходимые приборы и инструменты.

По возвращении ему предоставили бессрочный отпуск с одной лишь целью: выпустить «Атлас Южного моря» с приложением гидрографических записок: «Собрание сочинений, служа-

щих разбором и изъяснением Атласа Южного моря». Над этими фундаментальными трудами Иван Федорович трудился до 1823–1824 годов соответственно. И вновь они были изданы на нескольких языках.

А в 1818–1819 годах в семье Крузенштернов роились две девочки, Шарлотта и Юлия. (Позже Шарлотта написала первую биографию Ивана Федоровича).

В 1827-м он вернулся к преподавательско-методической и административной деятельности. Его назначили директором морского кадетского корпуса и сделали членом Адмиралтейств-совета. Он ввел множество новых предметов, в надобности которых убедился и в британском флоте, и особенно в кругосветных путешествиях. Он же организовал офицерские классы, значительно улучшившие качество подготовки старших офицеров на кораблях. Кратно увеличился библиотечный фонд, экспозиция музея, улучшились бытовые условия кадетов и гардемарин. В 1829-м он возглавил эскадру из 6 кораблей и судов во главе с фрегатами «Надежда» и «Урания», организовав для кадетов и гардемарин учебные походы от Санкт-Петербурга до Кронштадта.

Иван Федорович вышел в отставку, прослужив на должности директора 16 лет. После отставки он был удостоен звания генерала, состоящего при Особе Его Величества, являлся почетным членом Московского университета, входил в состав Главного штаба Его Императорского Величества и Главного морского штаба, был членом правления училищ Министерства народного просвещения, почетным членом Императорской академии наук.

Имя Крузенштерна носят остров, риф, пролив, самолет, ледокол. Многие юные моряки России впервые выходят в море на прекрасном паруснике «Крузенштерн», который, как и Иван Федорович, совершил две кругосветки, а на Луне наших исследователей ждет кратер, носящий имя великого моряка.